

Евгения Мотюгова

На границе угасающего солнца

16+

Евгения Мотюгова

На границе угасающего солнца

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Мотюгова Е. А.

На границе угасающего солнца / Е. А. Мотюгова — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Солнце постепенно покидает эти края, оставляя людей умирать от холода и голода. Каждый здесь чувствует скорый конец этого места. Во времена ощущения скорой гибели всего живого Йони вынашивает ребенка, которому не суждено прожить долгую и счастливую жизнь. Однажды в город приходит старуха, обещающая вернуть городу солнце за определенную плату. Но не слишком ли велика плата за спасение?

1

Солнце приходит в эти края все реже и реже. Все холоднее дни и все ледянее ночи. Каждый здесь чувствует скорый конец этого места. Неуловимый дух жизни становится все прозрачнее, ускользает сквозь холодные пальцы, сколько не сжимай кулаки. Под многочисленные и толстые, но практически бесполезные одежды проникает упрямой костлявой рукой мороз, заставляя дрожать и ежиться ежеминутно.

Только в редкие и такие долгожданные часы солнечного света и тепла народ может отогреть озябшие тела и немного расслабиться в золотых лучах. Лучах, таких желанных и необходимых, но спасающих совсем ненадолго. В такие моменты морщины на уставших лицах пропадают, точно разглаженные незримой тёплой рукой. Дрожь от холода неспешно тает, кровь радостно разбегается по венам, согревая каждую клеточку. На щеках в янтаре лучей накопец-то выступает мягкий румянец, а не бордовые, будто свекольные, пятна от тьмы и мороза.

Но золотой диск вновь жестокосердно и неумолимо скроется за горизонтом слишком скоро, и никакие костры не смогут одарить теплом так же щедро, как он. Время солнца тает, это знает каждый, и знание это душит порой жестче холода в ледяной бессонной постели. Ночной холод выжигает посевы, губит стариков и младенцев, бродяг и опоздавших к вечернему костру. Никого не жалея, холод все растёт, воруя время у солнца, грозя скоро совсем отнять те жалкие крохи живого тепла, за которые так отчаянно и беспомощно цепляются люди.

В ту пору Йони носила под сердцем дитя, которое, она точно знала, умрёт вскорости после того, как покинет её чрево. Она уже жалела его, хотя и ей не грозила участь дожить до старости. Она лишь радовалась, что шуба, доставшаяся ей от матери, достаточно широка, чтобы в ней комфортно и легко уместились и она сама и её огромный живот.

По ночам, ворочаясь от холода под огромными одеялами, она прижимала красные от постоянного мороза руки к теплому животу, чувствовала легкие толчки изнутри в ответ на её тревожные мысли. Тогда она задумывалась о будущем, которое могло бы быть у неё и её малыша, если бы солнце не грозило скорым уходом. О тонких ползунках и барахтающихся в воздухе толстых ножках, о прогулках босиком в жаркий летний день по полянам в густой и высокой мягкой траве, в которой она будет не спускать глаз с дитя, чтобы не потерять его. О тёплой воде реки Нар, которая надёжно скованна льдом уже несколько лет, и в водах которой так легко и приятно было плавать и смело нырять сквозь резвые косяки мальков до самых блестящих донных камней. О землянике и полевых цветах, своем огороде и земле: плотной и упругой на лесных тропинках и рыхлой и податливой на пашне. И о многом другом, что осталось цвести и греть лишь в её памяти... Толчки от этих мыслей стихали, её дыхание замедлялось, и к ней приходил долгожданный сон.

Она не жалела о ночах, что привели к появлению ребёнка. В эти дикие холодные ночи и почти такие же дни все ходили хмурые, раздраженные, ожидающие неминуемого конца. И все тянулись к теплу и свету. Всем хотелось согреться. Она не была исключением. Да, их с Гердтом не сочетали браком, у них не было общего дома, а значит и права на страсть. Но страсть порой греет жарче костров, и когда конец жизни так близок, можно ли упрекнуть в желании согреться?

Гердт был сильным, смелым, а главное, он был веселым и тёплым. Она жадно прижималась к нему в ночи, таяла в объятьях и отвечала на все поцелуи. И спала всегда крепко и в тепле. Он ничего не обещал ей, а она и не ждала клятв. Узнав о беременности, она испугалась. А он, наоборот, обрадовался. Начал говорить, что малыш унаследует её синие глаза и его золотые волосы, будет сильным, как он, и умным, как она. А Йони плакала ему в грудь, не решаясь прервать его речь очевидной истиной скорой смерти. Он успокаивающе гладил её по спине, а потом предложил поселиться в его доме. Да, небольшом, зато их, общим. Её дядя с тётей вряд ли обрадовались бы лишнему рту и самому факту беременности вне брака, поэтому она согласилась.

Поначалу все было неплохо, если что-то вообще может быть неплохо, когда солнце медленно, но верно исчезает день ото дня. Гердт уходил работать, охотиться, помогать. Йони оберегала растущий живот, готовила, убиралась, грелась со всеми на солнце, читала в свете свечей в ожидании любимого. А однажды Гердт просто не вернулся домой. По хрустящему инею дороги во тьме она дошла до бригады, в которой работал Гердт последний месяц. Понурые и пьяные мужчины сообщили, что наткнулись в лесу на дикого медведя, ужасного в своей ярости и голодного, как и все живое здесь. Зверь ранил пятерых, разорвал троих, в том числе и Гердта. Йони молча ушла в их общий дом, который теперь стал только её.

Теперь жила она впроголодь. Многие так жили, но не во многих таилась новая жизнь. Жизнь голодная и капризная. Быт становился для неё все тяжелее и тяжелее. Холод все жестче и длиннее. Тётка принесла как-то ей яиц и хлеба в корзине. Но Йони отдала всё повитухе, за обещание принять ребёнка в назначенный час. Она плела веревки и корзины, стирала в ледяной воде за еду и согласна была на почти любую работу, лишь бы есть и не выкинуть раньше времени из чрева дитя. Многое она старалась откладывать на потом, на то время, когда из рук уйдут силы, когда придут роды, когда она будет прижимать к груди младенца, вымаливая для него у всех богов побольше времени.

Когда живот стал настолько огромен, что Йони уже не могла работать, а вставала с постели только в случае крайней нужды да ради встреч с солнцем, в их тусклый, почти опустевший город пришла старуха. Она была сгорбленная, сухая и тощая, как палка, и хотя в такое время никто не мог похвастаться толстой массивностью фигуры, она казалась особо костлявой. Придя, она сразу направилась к главному в городе – Клаусу Рэндольфу, и провела в его доме добрых пару часов. За разговором с ней городской глава даже не вышел к солнцу, подобную неслыханность обсуждали все, осмелевшие, согретье под лучами горожане.

Когда солнце уже было у горизонта, старуха со смущенным Клаусом вышла к людям, но говорить не спешила. Все молчали, лишь иногда едва слышно перешептывались. Напряжение в толпе росло, и Йони, несмотря на слабость и усталость, которые в близости дня родов всё возрастали, осталась стоять на площади со всеми, обнимая руками в рукавицах выпирающий живот.

Клаус все не решался заговорить, хотя обычно славился решимостью и уверенностью. Наконец-то, под тяжестью молчаливого ожидания людей вокруг он откашлялся и заговорил.

– Народ, все мы знает, что солнце покидает наши земли, – хрипло и зычно начал он. – Знаем, что навсегда. Когда это, наконец, случится, все мы умрем. Кто-то раньше, кто-то позже. Но выжить без солнца не сможет никто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.